

СЛУШАТЬ МОЛОДЫХ: ПОЗИЦИЯ ШКОЛЬНИКА В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

М. БАБИНСКИЙ

Сильная своим положением государственная педагогика считает для себя возможным творить учебное дело независимо от тех живых сил учеников, которые вели бы его гораздо лучше, если бы были призваны к самостоятельному в нём участию.

П.Ф. Кантерев

Позиция школьника в педагогическом процессе... Учитывается ли она? К великому сожалению, весьма незначительно. Разве что в качестве пресловутой возрастной характеристики... Абстрактной и оттого не всегда точной... Да и по происхождению нередко из советских времён...

Сегодня необходимы методики, направленные на получение данных не то чтобы «индивидуальных», но таких, которые позволили бы *дополнить* «общепсихологические»... Дополнить — *в направлении большей конкретики*...

Речь здесь идёт об изменении самой педагогической установки, обостряющей внимание к младшему современнику; о способности улавливать импульсы эпохи, представленные в его восприятии; о стремлении понять его во всей сложности реального существования... Именно на этом пути, по всей видимости, перед педагогом и откроются перспективы конкретного содействия школьнику при решении кардинальнейших в его жизни задач: как на уровне «поколения», так и в индивидуальном плане.

Для примера рассмотрим подборку материалов к одному из уроков словесности.

«Цель художника, — определяет А.С. Пушкин, — идеал, а не нравоучение». То есть — образ совершенного современника, который художник стремится нарисовать в своём творчестве и одновременно воплотить в собственной жизни...

Вне зависимости от того, в какой степени это осознаётся, — у каждого из нас есть свой идеал, в котором воплощается наше *конкретное* понимание смысла бытия. Тем самым в процессе освоения художественного произведения является возможность *сопоставить* собственную точку зрения с авторской. Главная цель читателя художественной литературы — *понять самого себя*.

То же самое — в области родного языка. Понимает ли это современное поколение молодых? Скорее всего, понимает. Подтверждением чему служит вот это словечко «Короче!» (нынче одно из самых популярных в молодёжном жаргоне)...

[37 - 50]
Управление
и проектирование

78

«Короче!» — то и дело срывается с уст наших младших современников. Едва начав высказывание, говорящий вдруг неожиданно обрывает себя, чтобы, вымолвив заветное словечко, приказать себе быть кратким, а собеседника — предупредить о том, что речь теперь будет вестись без околичностей, прямо, по существу...

Итак, «короче!» Слово для молодёжного жаргона, прямо скажем, не совсем обычное. Главным отличительным признаком его служит... серьёзность. Оно напрочь лишено того «прикола», который можно обнаружить в большинстве единиц молодёжного сленга. Таких, например, как «Инна» — автомобиль иностранного производства, иномарка; «камасутра» — нудная, утомительная работа; «крутизна» — очень высокое качество, высший уровень чего-то; «прибалдеть» — получить удовольствие, насладиться чем-либо; «махаловка» — драка, потасовка... И многих других, подобных...

Так что же тогда представляет собой «короче!», эта «белая ворона» в лексиконе наших молодых? Не что иное, как определённый *стилистический* критерий, подразумевающий лаконизм высказывания.

«Лаконизм — пространность» речи — один из стилиобразующих факторов высказывания. Так что в принципе лаконизм ничем не лучше пространности (подобно тому, как «верх» не лучше «низа»). Всё определяется речевыми пристрастиями конкретной эпохи. Легко представить, что А.П. Чехову с его «краткостью — сестрой таланта» было бы совсем не сладко ни в XVII веке (с его манерой «плетения словес»), ни в XVIII, украшенном «витиеватыми речами» М.В. Ломоносова, ни в середине XIX со сложными психологическими узорами прозы Ф.М. Достоевского). Одним словом, в истории русского литературного языка хватает периодов, когда красота слога определялась совсем не краткостью.

Ясно также, что сама по себе краткость высказывания немногого стоит, поскольку речи «с чувством, с толком, с расстановкой» никак не гарантирует. Так что, призывая себя высказываться «короче», мы подразумеваем ещё и точность, и простоту, и ясность речи.

Но даже и с присоединением этих качеств краткость не служит панацеей при решении речевых проблем. Да и сам возглас «Короче!» во многих случаях связан с неумением говорящего изложить ситуацию, в отношении которой производится высказывание. Что ж удивительного: из трёх основных видов речи, отрабатываемых в школьном курсе русского языка: описание, повествование, рассуждение, — *изложение ситуации* непосредственно не относится ни к тому, ни к другому, ни к третьему.

И всё же — тот ли это главный мотив, что извергает из уст молодёжи бесконечные «Короче!»? Вряд ли. Главная причина кроется в другом: *такова для нынешних молодых важнейшая речевая черта «героя нашего времени».*

Пример вопросов и заданий:

1. Согласны ли вы с подобной интерпретацией молодёжно-сленгового «Короче!»?
2. В чём же заключается эта «важнейшая речевая черта «героя нашего времени»?
3. Является ли молодёжный жаргон одним из источников образования вашего собственного стиля речи?

4. Укажите слова из современного молодёжного жаргона, которые входят в ваш активный словарь?
5. Постарайтесь рассказать о том, что привлекает вас в молодёжном сленге.
6. Попытайтесь обосновать, чем отталкивает вас молодёжный сленг.

Итак, молодёжно-сленговое «короче», одной своей стороной упираясь в жаргон, позволяет поставить вопрос о роли этого источника стиля для каждого старшеклассника; другой своей стороной соприкасаясь с такими стилистическими категориями, как «лаконизм и пространность речи», «национальный и иностранный источники стиля», позволяет первоначально ознакомиться с этими категориями уже в историческом контексте.

Значит, если молодёжно-сленговое «короче» рассмотреть в идеологическом плане, то, как ни странно, это исконно русское слово в *современной* языковой ситуации — скорее символ *иностранного* источника стилистового развития. В самом деле: что это за образ совершенного современника вырисовывается за данным стилистическим предпочтением? По-видимому, тот же самый герой, который задаётся в американских поговорках типа «время — деньги». С падением «железного занавеса» влияние «дельцовской модели» существования распространяется в нашей стране очень быстро. Иностранный деловой язык — один из главных каналов, по которым протекает это воздействие.

Интересно, что на заре возникновения современного русского литературного языка роль иностранного источника тоже была весьма существенной. Так, языкотворческая деятельность Н.М. Карамзина (рубеж XVIII — XIX веков) несла на себе «ярко выраженный отпечаток подражания французской культуре»¹. Это было приспособлением русской литературной речи к выражению западноевропейских понятий. Главным образом тех, что ведут к освобождению личности от устаревших форм средневековой религиозной культуры. Русское просвещённое общество перестраивает родной язык «на манер французского» для того, чтобы с его помощью наладить духовную и душевную сферы *светской* жизни.

И что же? Любовное послание русской провинциальной девушки, «написанное» по-французски, автор «Евгения Онегина» передаёт по-русски так, что не остаётся никаких сомнений: в конце 20-х годов XIX века уже и русский литературный язык способен раскрыть состояние души человеческой ничуть не хуже французского!

Однако то был уже итог долгого, на десятилетия растянувшегося процесса обработки родного языка по образцу французского (а с начала XIX века — ещё и английского). Следовательно можно сделать вывод о том, что в карамзинский период именно иностранный, а совсем не национальный источник развития русского литературного языка имел первостепенное значение.

Ну а теперь, в новых обстоятельствах России XXI века, на ту же самую роль претендуют английский деловой вместе с американским потребительским. Так не стоит ли нам, как в своё время сделал это Карамзин, отбросив на время амбиции, перевести свою культуру на положение «вторичной»? Тем более, что Пушкин (пускай и самое непродолжительное время и в самом начале своего творческого пути) тоже был карамзинистом! А позднее, перешед под знамёна Байрона, совсем не считал зазорным идти вослед лучшему поэту романтической эпохи!

¹ Виноградов В.В. Язык Пушкина. М., 2000. С. 215.

Всё это так. Разница лишь в том, что, решая задачу «И в просвещении стать с веком наравне», Пушкин усваивал совсем не деловую манеру языка, а язык духа и души — т.е. первейших и труднейших сфер человеческого существования, непосредственно связанных с его конечной истиной. Теперь же речь идёт как раз об усвоении языка предпринимательства и развлечений.

Для языка духа и души (этот род высказываний именуется «высоким») краткость и точность не являются характерными. Поэтому на знамени Карамзина или Пушкина-лицеиста можно обнаружить скорее лозунги «пространности» и «образности», нежели «краткости» и «точности». Карамзин, например, нередко заменял простую номинацию вещей и идей условной и пышной фразеологией, состоящей из перифраз и метафор. То же самое характерно и для раннего Пушкина. П.В. Анненков пишет (речь идёт о «Руслане и Людмиле»): «Стих поэмы сохраняет постоянную хрустальную прозрачность и пластичность изумительную, но лишён точности, поэтического лаконизма и долго извивается вокруг поэтического предмета грациозными кругами, прежде чем успеет охватить его со всех сторон»².

С уважением отнесясь к свежести восприятия наших младших современников, предположим, что лаконизм (а вместе с ним — и точность, и простота, и выразительность речи) следует считать ведущим направлением современного отечественного языкотворческого процесса. Тем более, что у них вроде бы есть могучий союзник в лице того же А.С. Пушкина: только уже не стихотворца, а прозаика.

Он уже в начале 1820-х годов объявляет войну описательному, манерному стилю карамзинистов, которые «почитая за низость изъяснить просто вещи самые обыкновенные, думают оживить детскую прозу ветхими дополнениями и вялыми метафорами»³.

Поэт указывает на бедность мысли в этом игривом потоке слов, на логическую, а иногда и грамматическую невразумительность пышных фраз. «Борьба Пушкина с трафаретами русско-французского стиля имела целью возратить словам их предметное значение и этим увеличить, напрячь смысловую интенсивность речи. Ведь в традиционной фразе, стиравшей лексическое значение составных частей, роль слов низводилась к функциям фразеологических морфем. Это семантическое обезличение слов, уничтожение в них конкретных значений вело к обеднению мыслей, к образованию смысловых «пустот» в языке. Слово теряло глубину, переставало быть центром сложных семантических притяжений из разных сфер. Оно сохраняло лишь формы плоскостных соответствий и связей, и то строго предписанные, ограниченные нормами фразеологической традиции»⁴.

Встретив в статье П.А. Вяземского красивую фразу относительно «общей печати отвержения, наложенной на наш театр рукою Талии и Мельпомены», Пушкин с досадой замечает: «Да говори просто — ты довольно умён для этого». А в другом месте со всей определённой пишет: «Точность и краткость — первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей — без них блестящие выражения ни к чему не служат»⁵.

Как видим, в стилистической направленности поисков между юными носителями современного русского литературного языка и его отцом-основателем намечается недвусмысленное единство. Пушкин не раз говорит об усиленном тя-

² Виноградов В.В. Стиль Пушкина. М., 1999. С. 66.

³ Там же. С. 26.

⁴ Виноградов В.В. Язык Пушкина. М., 2000. С. 330.

⁵ Виноградов В.В. Стиль Пушкина. М., 1999. С. 26.

готении прозы к простоте и непосредственной точности делового языка. Очевидно, эта ориентация была для него принципиальной. Но разве не на то же самое нацелено и сленговое «Короче!»? Иное дело: возможно ли за ним разглядеть ту «благородную простоту», о которой пишет великий поэт? Это большой вопрос.

Путь Пушкина к «благородной простоте» пролегал через *предварительное усвоение сложностей*: «нового слога» русского языка Карамзина и романтизма Байрона. Вот эти-то «сложности» он и упрощал и укорачивал в прозе и отчасти в стихотворной речи.

Пример вопроса:

Против каких сегодняшних «сложностей» направлено молодёжно-сленговое «Короче»?

Каким методом пользовался Пушкин в борьбе против традиционной для его времени «вялости» прозаической (а в известной степени и стихотворной) строки? В.В. Виноградов отмечает: «Центр тяжести от качественных слов переносится на динамику действия, на глагол. Формы эмоциональных характеристик и описаний сжимаются до предела. Торжествует принцип стремительного повествовательного движения и смены коротких синтагм. Стиль приобретает выразительную быстроту и мужественное напряжение»⁶.

Пример. Подготавливаясь к написанию истории Петра, Пушкин перелагает «Деяния Петра Великого» Голикова.

У Голикова:

«Г. Матюшкин после сего решился атаковать Баку; сошли солдаты на берег без сопротивления, но как стали выгружать артиллерию, то сильная из города вышла конница, однако ж тотчас обращена была в бегство, и город атаковали».

У Пушкина:

«Он (Матюшкин) велел солдатам вылезть на берег. Конница персидская вышла было из города, но была прогнана. Город был бомбардирован».

У Голикова:

«Бесчестие таковое его флагу и отказ в требуемом удовольствии были толико монарху чувствительны, что принудили его, так сказать, против воли объявить сдавшихся в крепости всех военнопленными».

У Пушкина:

«Пётр не сдержал своего слова. Выборгский гарнизон объявлен был военнопленным»⁷.

Может сложиться впечатление, что, изучая текст Голикова, Пушкин конспективен. Однако это не так. Синтаксис «коротких фраз», когда предложение тяготеет всего к двум элементам — к имени существительному и к глаголу, исповедуется им и в художественных произведениях.

Вопросы и задания:

Сопоставьте два описания на одну и ту же тему. Определите, какое из них принадлежит Жуковскому, какое — Пушкину. Охарактеризуйте художественную речь в обоих фрагментах.

Был вечер. Небо меркло. Воды
Струились тихо. Жук жужжал
Уж расходились хороводы;
Уж за рекой, дымясь, пылал
Огонь рыбачий...

⁶ Виноградов В.В. Стиль Пушкина. М., 1999. С. 595.

⁷ Там же. С. 596.

Уже бледнеет день, скрываясь за горою.
Шумящие стада толпятся над рекой.
Усталый селянин медлительной стопою
Идёт, задумавшись, в шалаш спокойный свой.
В туманном сумраке окрестность исчезает...
Повсюду тишина, повсюду мёртвый сон.
Лишь изредка, жужжа, вечерний жук мелькает,
Лишь слышится рогов унылый звон.

Рассмотренный пример наглядно показывает, что общая тенденция движения к простоте и краткости распространяется Пушкиным также и на стихотворную описательную речь. Однако в целом поэт отрицательно относится к смешению целей прозы и стиха. В частности, не видит необходимости в «прозаизации» поэзии.

Поэзия — это уже преобладание чувства над мыслью. «В стихах спасает допускаемая неясность» — комментирует Л.Н. Толстой. «Поэзия вся езда в неизвестное» (В.В. Маяковский). До «краткости» ли на этом пути? Скорее — до образности.

Большой знаток литературы начала XIX века, Г.А. Гуковский тонко подмечает: «Мы часто склонны считать Пушкина поэтом уж очень понятным, ясным, лёгким. Он стал таковым потому, что его система стиля сделалась основой развития русской литературы и литературного языка XIX века. Но для современников эта система была вовсе не столь нормальна и общепринята, как для нас, и многим, даже сочувствующим новым поэтическим течениям, было трудно освоиться с новаторской манерой Пушкина, трудно даже просто понять пушкинскую речь»⁸. В этой связи характерно, что даже те литераторы, языкотворческая позиция которых в общем и целом была близка пушкинской, признавали «Выстрел» или «Метель» «фарсами, затынутыми в корсете простоты без всякого милосердия»⁹.

Итак, рассмотрен конкретный пример выбора проблематики современного урока словесности, связанный с постановкой вопроса «лаканизм — пространственность высказывания».

Примечание

С общепедагогическим контекстом идеи, положенной в основу настоящей статьи, можно ознакомиться в книге: М.Б. Бабинский «Теория образовательного процесса. Общая и специальная». Специальная теория целиком посвящена вопросам организации речевого развития школьников. Книгу можно купить в киоске Государственной научной педагогической библиотеки им. К.Д. Ушинского (заказ по Интернету: <http://gnpbu.ru/BookShop/>), а также в центральных книжных магазинах Москвы и Санкт-Петербурга.

⁸ Гуковский Г.А. Пушкин и русские романтики. М., 1995. С. 90.

⁹ Виноградов В.В. Язык Пушкина. М., 2000. С. 392.

